

94565

В. ШКЛОВСКИЙ

ПРОБЛЕМА

ГОРНАЯ ГРУЗИЯ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1930

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ КОПЕЕК

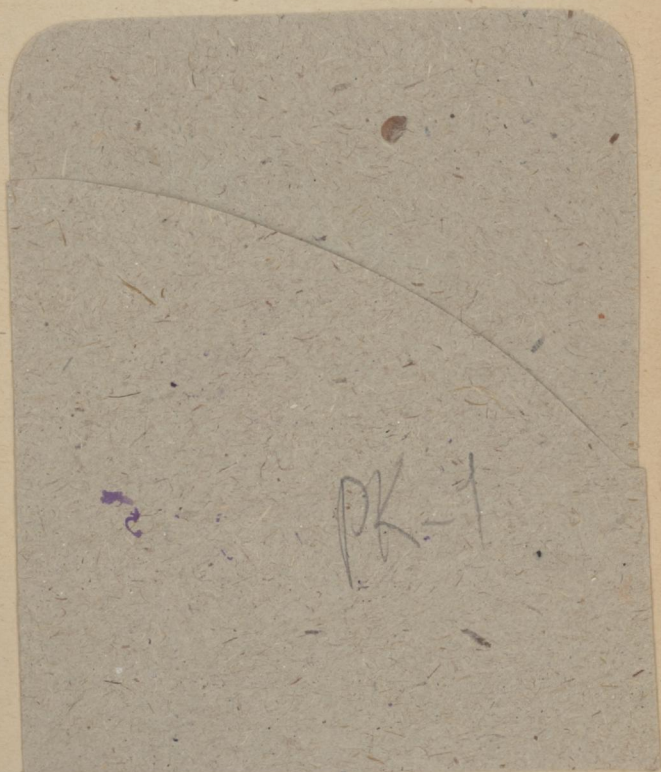
V.N. Karazin Kharkiv National University

01438892

3

938

ПРОБЛЕМА

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ

6

84

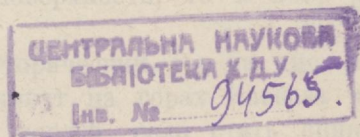
ГОРНАЯ ГРУЗИЯ

П Ш А В И Я
Х Е В С У Р Е Т И Я
М У Х Е В И Я

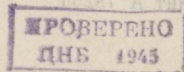
Обложка худ.

А. СТОЛЛЬ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1930

58 64

III-66

ВНУТРЕННЕЕ ПОСЛАНИЕ

ТОПКА ТРЯС

П. Ш. А. В. Н. Р.

ХЕБОВЕТИН

М. Х. Е. В. Н. Р.

ОБЩЕСТВО

А. О. Т. О. В. А.

Школа ФЗУ им. Борщевского „Мосполиграф“.

Главлит А 78255.

Заказ 1204.

Тир. 10.160

ХЕВСУРЕТИЯ

Если нагревать воду снизу на плите, например, или на примусе, то сперва нагревается нижний слой воды. А так как горячая вода легче холодной, то нагретой воде приходится подниматься вверх.

Вода кипит, перемешивается.

Но если нагревать воду сверху, как море нагревается солнцем, то сверху будет тепло, а внизу будет холодно.

У нас есть Ладожское озеро. Большое, хорошее озеро, которое на карте так и просится, чтобы его назвали морем. На дне этого озера лежит лед. Лед этот доисторический. Лед этот лежит на дне десятки тысяч лет и так, должно быть, никогда не растает.

В Новгородской губернии такой глубокий лед на болотах называется днищем, но так как он там лежит недалеко от поверхности, то к лету днище проходит.

Как лежит доисторический лед на дне Ладожского озера, так живут на горах Кавказа правее Военно-грузинской дороги, если стать спиною к Владикавказу, — хевсуры.

Культура захватила не всю страну.

В нашей огромной стране есть непрогретые

места. Хевсуры сегодня, сейчас ходят — потом подробно скажу, почему ходят — в маленьких шлемах, в стальных наколотниках и в рубашках из стальных колец. Такая рубашка называется кольчугой. И сделана эта стальная мануфактура, вероятно, в XII веке.

Хевсуров мало. Их тысяч десять. И количество их не увеличивается.

Откуда они взялись?

Кавказ трудно проходим. В ущельях стояли прежде башни, которые запирали теснину. За проход мимо этих башен брали дань. Но все же народы Кавказа прорывались через теснины, туда, к долинам Грузии.

Грузию вытапывали начисто. И она высылала в горы на сторожевые посты, в ущелья отряды, которые жили там, как наши казаки.

Так жили около Дарьяльского ущелья мухевцы. Так жили и хевсуры.

Потом ушли дороги в сторону, забылась дорога через Хевсурский перевал. Но хевсуры не получили от этого спокойной жизни. Рядом с ними живут ингуши.

Ингуши воюют с хевсурами, хевсуры воюют с ингушами. И оба народа ходят вооруженными.

Кончим на этом вступление.

ДОРОГА В ХЕВСУРЕТИЮ — ПШАВИЯ

Хевсуретия находится в горах. Средняя высота ее над уровнем моря примерно 1600 метров. Эта малень-

кая страна сидит как будто верхом на Главном Кавказском хребте.

В разные стороны — в Черное море и море Каспийское — бегут реки. В одну сторону притоки реки Терека, а в другую сторону хевсурская Арагва.

Хевсуретия окружена ингушами, чеченцами, кушинцами, пшавами.

Большая часть Хевсуретии лежит на южном склоне Главного Кавказского хребта. Она носит название Пиракетской, что значит посюсторонняя, расположенная по нашу сторону. Другая же часть лежит на северном склоне Кавказа и называется Пирикитской, т. е. лежащей по ту сторону.

Арагва впадает в Куру. Арагва вторая в мире река, но не по величине, а по мутности. Первая — Нил. Нехорошо, что Арагва такая мутная.

В том месте, где Арагва впадает в Куру, стоит Загэс — электрическая станция. Здесь разливаются реки и образуют озеро.

Но Арагва натащила сюда такое количество ила и песку, что озеро приходится все время прочищать.

В свое время по Куру на Арагву подымались лососи метать икру. Река крутая, как все горные, но лососи залезали с камня на камень в горные речки.

Сейчас Арагва и Кура перегорожены. Для лососей хотят построить подъемники, вроде лифтов. Пока что в Арагву они попасть не могут.

На углу двух рек стоит старый Мцхетский собор. Собор сложен из тесаного камня. Он стар. Рядом с ним Москва — девочка-пионерка.

Вокруг собора стена, сложенная из булыжника. В стене маленькие козырьки с отверстием внизу. Из этих отверстий бросали вниз камни, отбивая приступы. А самого города Мцхета почти нет. Так осталось два-три дома или десять домов, или двадцать домов.

Через Душет идет дорога в Хевсуретию. Сперва вы попадаете в Пшавию. Эта страна расположена в неширокой долине Арагвы.

Сначала Пшавия кажется похожей на парк. Редкие деревья разбросаны широко, под ними зеленая трава, далеко отошли стены гор. В горах на столбиках стоят маленькие каменные беседки. Их называют хати. Это местные святилища.

В Нижней Пшавии они уже брошены.

Пшавия — мало населенная страна. Горы Кавказа сейчас пустеют. Только кровная месть и захват долинных полей русским правительством держали людей в горах.

В горах человек маленький и слабый.

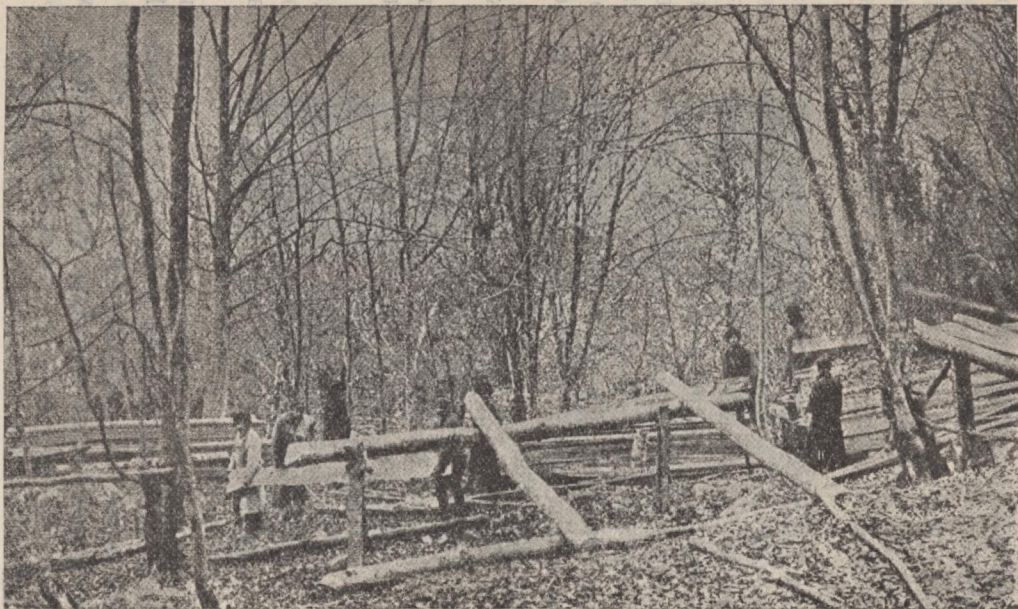
В горах лето коротко и туманно.

В горах Кавказа не вызревает хлеб, кроме ячменя.

Поэтому жители стремятся выселиться. Выселяются в Кахетию.

В Верхней Пшавии есть целые брошенные деревни. Никого нет в такой деревне или живет один старик; старик, который не захотел уехать.

Арагва бежит, журчит иногда, горы подходят к ней совсем близко. Тогда дорога прижата к самой реке. Иногда приходится въезжать в самую реку.

Вода весело шумит, бурлит, булькает вокруг ног лошади.

Дорога все время перекидывается с одного берега Арагвы на другой. Пшавские мосты чрезвычайно ненадежны. Каждый год Арагва сносит несколько мостов.

Мост делается так. На берегу кладутся бревна. Концы их высовываются вперед, свешиваются над водой. На другой конец грузят камни.

На этот настил снова настилают бревна, они высовываются еще немножко вперед. И так до тех пор, пока бревна с обоих берегов не сблизятся настолько, чтобы их можно было соединить между собой.

Эти мосты дороги, неудобны. Они качаются под ногами, как гамак.

А потом опять расширяется ущелье, бежит река, стоят зеленые дубы, по траве ходит скот.

В Пшавии на скалах видишь надписи. Это не ругательства, а стихи. В лесу, на затесанных деревьях, тоже стихи.

Стихи в Пшавии умеют слагать все. Я видал заседание сельсовета, на котором люди переговаривались стихами. А слово „кулак“ и „запини“ говорили по-русски.

В горах лежат туманы, часто спускаются вниз. Страна бездорожная, страна бедная. Земли мало. Дороги мокрые, по тропинке бегут ручьи, сверху, со скал капает. Сбоку, как переулки в проспекте, входят в долину Арагвы узкие ущелья. И там в ущельях туман.

Дома редки. То, что называется здесь деревней, по-нашему не деревня. Это дома, раскинутые на много километров.

Зимою выпадает снег, глубокий.

Дом отделяется от дома. Снег бывает так глубок,

что трудно добраться до реки, чтобы напоить лошадь.

Дома наполовину вкопаны в скалу. Это зимнее жилье.

Дома без труб. Дым должен выходить просто через отверстие в крыше.

Иногда дым эту должность не исполняет.

Перед домом маленькая веранда. Над домом чердак. В этот чердак вход с горы, которая за домом.

А в Пшавии все — или в гору или под гору. Ровного места здесь нет.

Пшавия бедна. Пшавия старается иметь как можно меньше детей.

И вот в этой стране, где столько стихов о любви, женщина рождает в хлеву.

Хлев называется босель. Там холодно, грязно, и когда женщина умирает от родов, то муж, утешая себя, говорит: не нашего рода дочь.

Интересно отметить, что скот во время родов переводят в хату, особенно зимой.

Женщина во Пшавии нагружена все время. Нагружена обыкновенно вдвойне.

Я видел, например, такую картину. Идет женщина, погоняет быков. Быки везут сани со снопами хлеба. Это их единственное занятие. А женщина погоняет их и в то же время вяжет шерстяные носки.

Носки здесь очень красивые, с рисунком.

А масло здесь сбивают следующим образом. На веревках к потолку сакли подвешивается большое метра в два длиной выдолбленное внутри толстое бревно. В эту колоду наливают молоко. Женщина садится, упираясь спиною в стенку, ногами упирается в торец бревна и начинает качать бревно взад-вперед.

Бревно наполняется молоком наполовину.

Молоко шумит и глухо ударяется внутри бревна. Работа тяжелая, долгая, она продолжается часами.

И во время этой работы женщина тоже вяжет носки, и еще с рисуночком, так что нужно считать петли.

В Пшавии был свой великий поэт, один из лучших кавказских поэтов. Имя его Важа Пшавел. Важа по-грузински — муж, мужчина. Значит, Важа

Пшавел — пшавитянин. Это был великий поэт, крестьянин, который отказался даже от имени. Он заменил свое личное имя именем своего племени. Жил он, как крестьянин, вместе с другими крестьянами.

Стихи его знают все. Но пшавы его не уважают. Уважают его в Тифлисе.

А пшавы в его деревне говорят:

— Мы все Важа Пшавелы, мы все пшавитяне.

Он не дал нам ничего нового и не изменил нашу жизнь.

Важа Пшавел умер во время империалистической войны.

Когда его спросили крестьяне, что будет дальше, он ответил:

— Ничего хорошего для меня, пшавитянина.

Сын его жив и сын его кровник, т. е. связан кровавой мстью с людьми на другой стороне реки.

Ничего не изменил Важа Пшавел в своей деревне.

Дальше. Дальше дорога сера, крута, камениста, на дороге следы крови. Это, вероятно, лошадь разбила ногу.

И вот мы в Орцкали.

В Орцкали вливаются две реки.

Голубая хевсурская Арагва и мутная серая пшавская. В Арцкхали вода косая.

Нам, жителям равнины, странно видеть, что левая сторона реки выше правой.

Здесь стоит двухэтажный каменный кооператив. С двускатной крышей. Кругом пусто. В кооперативе тоже пусто.

Торгуют сейчас только мелкими белыми пуговицами, которые хевсуры нашивают себе на костюм.

И это переворот.

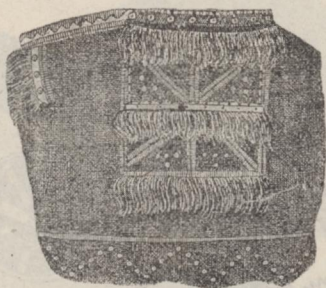
Хевсуры раньше вышивали все свое платье мелкой вышивкой. Пуговицы вытесняют вышивку и освобождают женщину.

А женщина вышивала во тьме, в подвале. Костюм она выпивала много лет.

Поэтому даже пуговицы в кооперативе — это огромное событие.

Еще в кооперативе были резиновые слоники, красные и белые. Тут же висели маленькие черные, похожие на व्यюпки, хевсурские щиты.

Хевсурский щит делается из железа, обыкновенно котельного. Он наклепывается на толстую кожу, имеет кожаную рукоятку. Впрочем, я видел щит, железные круги которого были наклепаны на жечь бисквитной коробки Эйнем.

Хевсуры, рубясь, часто держат меч в двух руках и еще прихватывают щит. Их меч прямой, не очень, тяжелый. Удары противника они принимают на щит, вернее на край щита.

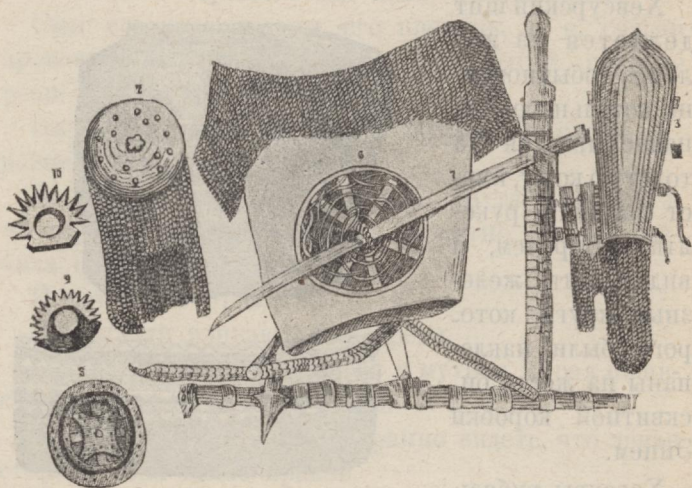
Хевсур всегда ходит со щитом, как в Москве люди ходят с портфелем.

Но когда хевсуры едут в Тифлис, а в Тифлис они ездят часто, то щиты с собой не берут. Они оставляют их так, как мы оставляем калоши в раздевальне.

Это тоже прогресс.

Еще носят хевсуры прямые мечи, не очень длинные. Это старая сталь. По преимуществу испанская, XII-XIII веков.

Сами хевсуры считают себя потомками крестоносцев и утверждают, что именно оттуда их вооружение. Вряд ли это правильно. Но хевсурские ме-

чи действительно европейского происхождения. На многих из них знаменитое клеймо — изображение волка. Об этих клеймах, как о старинных и редких, писал Сервантес.

Но кольчуги, шлемы у хевсуров не западного, а восточного происхождения.

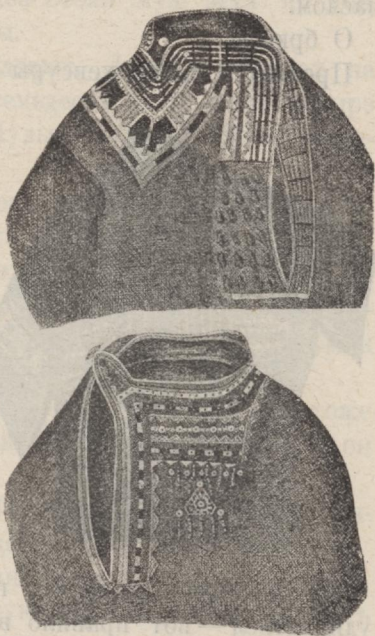
Тифлисские оружейные мастера в начале средних веков были мастерами мировыми.

Восхваляя храбрость Дон Кихота, велевшего открыть клетку со львами, Сервантес отметил, что у Дон Кихота не было даже меча со знаком волка. Хевсур, если бы он приказал открыть клетку со львами, был бы в лучшем положении. И он сделал бы это, особенно, если бы на него смотрели.

Человек с таким мечом стоял у прилавка. Мул его дожидался у дверей. Человек продавал масло и сыр в кооператив. На нем была маленькая, круглая, черным по черному вышитая шапка.

В такую шапку вшивают железное кольцо в палец толщиной, чтобы защитить голову от ударов во время боя. Если у человека уже разрублена голова, а я видел хевсуров, у которых была четыре и пять раз разрублена голова, то он имеет право во время боя надеть и шлем.

Человек, стоящий у прилавка, был одет в синюю шерстяную рубашку, по форме похожую на нашу

ночную сорочку, но без воротника и с вышитым четырехугольником на груди. Эта рубашка закрывала брюки по колени. Ниже были вышитые гетры и башмаки с плотным сыромятным верхом и плетеной подошвой. Эти сапоги смазываются коровьим маслом.

О брюках.

Преследуя врага, хевсуры обыкновенно снимают брюки, считая, что они мешают. При похоронах, вернее после похорон, на тахте в доме лежит все платье покойника, кроме брюк.

Я лежал на прилавке (здесь была моя почевка) и прилежно рассматривал спину хевсура. Он не обращал на меня внимания.

Не обращать ни на что внимания и ничему не удивляться — вот правило вежливости в Хевсуретии. Это вежливость.

Хороший тон в последнее время начинает изменяться: аэропланам хевсуры удивляются.

Хевсур отдал свой щит, повернулся, решил заметить меня, спокойно оглядел с ног до головы. На мне была серая шапка с козырьком, без вшитого

железного кольца, пиджак без вышивки, длинные брюки без гетр и сапоги не с плетеными подошвами.

Хевсур оглядел меня с невежливостью журналиста и улыбнулся.

За дверью кооператива стоял мул. Мул не Дон Кихота, а Санчо-Пансы.

Мулы никогда не падают. Лошадь в горах на спине может нести восемьдесят кило, ишак четыре или три, а мул семь. Мулы — лучший способ передвижения в горах.

У них ноги расставлены широко и в самом внизу еще как-будто разогнуты в сторону.

Мулы по способу стоять похожи на венский стул.

У ворот кооператива сидели люди. Мужчины сушили веревки из лыка, женщины пряли. Это были пшавы.

В Пшавии воскресенье — праздник, суббота тоже праздник и понедельник праздник потому, что он посвящен граду.

Град — это главное бедствие в горах. Чтобы умиротворить град, в понедельник не работают.

Но можно работать вне дома.

Можно поехать в чужую деревню и там искушать терпение града. Но чужая деревня тоже не позволит.

Позволяет работать рядом с собою только кооператив.

И вот пшавы приезжают к кооперативу работать в понедельник.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ

БИБЛИОТЕКА Х.Д.У.

Инв. №

94565

79937

17

МАРКОВИЧ-ПЕШИНСКИЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ

В Хевсуретии же и пятница праздник. В это время разрешаются только коллективные работы, т. е. обработка земли для святилища, для хати.

Дорога в Хевсуретию идет от кооператива через мост налево. Она тут же, за скалою. Скалы здесь сходятся. Отчетливо чувствуется вход в страну. Здесь можно было бы прибить медную дощечку:

Хевсуретия. Прием только летом.

Зимою в Хевсуретии падают снега.

Так сказать, выходные дни.

Но Хевсуретия вообще никогда никого не принимает.

За проходом дорога, и тут ущелье расширяется в полянку. Полянка длиною равна площади Свердлова в Москве, но вдвое уже.

Это место знаменито в Хевсуретии, его простор воспет во многих песнях. Через эту полянку хевсуры всегда скачут. И думают, вероятно:

— Чорт вас возьми, степи, как вы хороши!

Если цитата спутана, то напоминаю, что она из Гоголя, а Гоголя в Хевсуретии не знают.

Дальше дорога переламывается вверх.

БАТАНА ГЕОРГИЙ

Пшавия когда-то знала культуру. Здесь были рудники, были рабочие. Только несколько веков тому назад.

Сейчас это отсталая, пустеющая страна. Хотя в лесу и растут дикие яблоки и груши, но никто не прививает их. А в Пшавии можно было бы разводить плодовые сады.

Со мной ехал человек из Душета. Он все время это объяснял пшавам с презрением жителя долин к горам.

— Мало радости, — не знаю, что у них есть, кроме пива.

Пиво варят в огромных склепанных из медных листов котлах.

Котлы книзу острые. Варят пиво на кострах в специальном здании.

Искусство варить пиво — вот что осталось у хевисберов в Пшавии.

А между тем, слово хевисбер значит начальник ущелья. Хевисберы были вождями.

Пиво варится в хати.

Хати расположены на склонах гор потому, что в Пшавии все или в гору или под гору.

Но для хати искусственно насыпается что-то вроде террасы. Эта площадка обсаживается акациями. И стоят вековые акации, ветки которых толще туловища человека.

Есть еще в Пшавии маленькие христианские церкви. Но грузины приблизительные христиане.

Этим они не увлекаются. Церковь внутри имеет площадь всего несколько метров и вверх метра два-три. В нее может войти только священник, а прихожане собираются вокруг.

В Пшавии всегда можно увидеть тройку: хати, напротив хати грузинскую церковь, а ниже церковь побольше. Уже полурусскойстройки. Это церковь общества распространения христианства на Кавказе.

А действуют только хати.

В Пшавии есть доктора. Я видел одного, который был в отчаянии от того, что его заставляют ходить в горах пешком.

И от того, что в горах единственное угощение для доктора — это чашка с топленным маслом, а масло всегда грязное, и кусок ячменного хлеба.

И я видел другого врача, батана Георгия. Батана — это значит льстиво господин, повелитель, господин мой.

Кадо это не товарищ.

Кадо это фамильярнo.

Георгий не был товарищем, не был кадо и не был батана. Он был врачом Пшаво-Хевсуретии уже много лет.

Георгий окончил Одесский университет. Во время оккупации французами Одессы Георгий был схвачен, от него требовали, чтобы он дал какие-то сведения о коммунистах, с которыми он был близок. Георгия и его товарища коммуниста привязали к стулу на 40 часов. Он говорит, что это было хуже смерти.

Друг его с мячом во рту, — французы не любят, чтобы арестованные кричали, — выпрыгнув из окна третьего этажа, разбился и не был расстрелян, потому что французы эвакуировали Одессу.

Георгий — человек совершенно седой, сухой, мускулистый. У него есть жеребец с красным сафьяновым седлом и серебряной сбруей.

На столе у Георгия в селе Орцкали лежат русские, грузинские и немецкие медицинские журналы. И больше ничего у него в доме нет. Даже стекол нет в окнах. Он живет зимою замерзая. Свет попадает к нему через трубу камина.

Но у него есть медикаменты и инструменты.

Это очень уважаемый человек по всей Пшаво-Хевсуретии.

Дом, в котором он живет, когда-то ограбили хевсуры. Хозяин пожаловался. Хевсур, виновник нападения, был как-то схвачен и умер в тюрьме. Получилось то, что называется в Хевсуретии голова, т. е. невыкупленная смерть. Пшав, хозяин дома, убежал. Владеть его домом начал батрак.

Батрака хевсуры не хотели убить, находя это невыгодным. Так как умерший в тюрьме был лучший человек в своем селе, то за него нужно было убить лучшего человека в пшавском селе, а батрак был хром. Лучшие мужчины в селе тоже убежали.

Георгию удалось примирить дом с хевсурами, заплативши цену крови — пейхити и хелит, т. е. выкуп коровами и вещами.

У ПОДЪЕЗДА ХЕВСУРЕТИИ

Горы здесь рыхлые и высокие. Камень слоится и крошится. Бежит река.

Дорога сперва идет к реке, потом начинает влезать на гору. Очень круто.

Так как на лошадях здесь всегда выюки, то лошадь приобретает привычку ходить по самому краю дороги, чтобы выюком не задевать за скалу.

Местами дорога состоит из некрupных кусков плитняка, положенных на продольные нетолстые палки. Палки эти заложены за стволы деревьев, которые растут на склоне гор.

Деревья растут, откинувшись назад, так же как сидит в седле спускающийся с горы всадник.

Плиточки под ногами лошади звучат, как клавиши, и больше дискантами. Лошадь дышит тяжело. И здесь обычай не сильно подтягивать подпругу лошади, чтобы она могла легче дышать. Я попробовал подтянуть подпругу, но лошадь начала биться.

Впоследствии я узнал, что она была слепая. В дороге я только замечал, что она часто толкает меня лбом на тех участках, где я веду ее за повод.

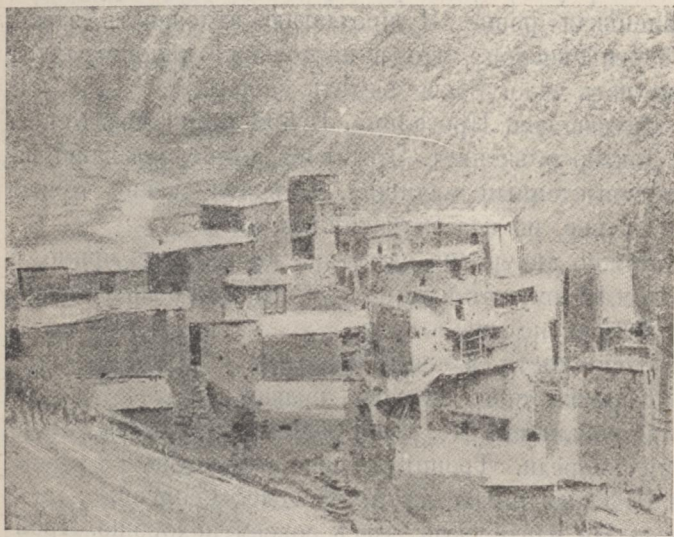
Вообще же слепые лошади в горах, если горы им знакомы, ходят верно и осторожно и не часто падают.

Лошадь дышит тяжело, раздвигая ноги всадника.

Дорога поворачивается, все та же самая деревня с плоскими, похожими на этажерку, крышами показывается внизу. Поворот за поворотом бросает нам обратно ту же деревню, но каждый раз она все голубее. Между нами и той деревней внизу все больше воздуха.

Тяну лошадь за повод. Лошадь не хочет идти. Ей дорога отвратительна, она недовольна. Она замедляет каждый шаг, как визит к зубному врачу.

Скалы сбоку похожи на сгнившие стволы деревьев. Прямо вниз голубою, слегка оттянутой в

сторону ветром струею падает водопад. Внизу, в углу скалы лежит снег.

А ведь июнь.

Подымаемся.

Подъем называется чортовым. Нас обгоняет хевсур. На нем шлем. Шлем похож на жокейскую

шляпу без козырька. На левой руке стальной наручник, на боку прямой меч.

Хевсур смотрит на меня с сожалением. Я с трудом балансирую в седле. Седло все время слезает под брюхо лошади.

Подымаемся, темнеет.

Наверху поле, ветер, жертвенник и вокруг него маленькая роща. Я предлагаю заночевать здесь. Георгий говорит, что в нескольких километрах от нас есть село. Решаем ехать вперед.

Спускаемся. Прогалина. В прогалине лежит снег.

Доктор объясняет. Этот снег лежит, как горбушка с выеденным мякишем. Перейти можно только через нее, но под глубокий провал.

Нужно аккуратно слезть на снег и не прямо, а боком, потому что именно край подтаял больше всего.

Лошадь не хочет идти.

В сущности, я с ней согласен.

Корочка снега жесткая, гулкая.

Перешли все же. Едем дальше. Тропинка. Георгий впереди. Тропинка поворачивается.

И вдруг раздается тихий голос Георгия:

— Не идите сюда, здесь совсем нехорошо. Пройти вперед нельзя.

Стою перед чужим хвостом. Подымаюсь, вытягиваюсь, чтобы увидеть, в чем дело. Дождь смыл тропинку. Доктор вел лошадь и сорвался с осыпи.

Он висит сейчас на поводу своей лошади. Жеребец сидит на хвосте, задрав голову и упираясь передними ногами в самый край обрыва.

Георгий выкарабкался, однако, и мы долго стояли и ждали, пока взойдет луна, потому что в темноте не решались повернуться.

БАРИСАХО

Барисахо — это крупное хевсурское село.

Села, в сущности говоря, не видно. Стоит небольшая башня без окон, постройки 1918 года. В ней пытался скрыться один хевсур, имевший много кровников. Башня, насколько я знаю, не помогла, его все же убили. И рядом с нею на горе строится большое здание, каменное с двускатной крышей.

Это уже советская стройка. Здесь будет кооператив, больница и школа.

Хевсуры почти все грамотные. Самая знаменитая книга здесь, конечно, «Носящий барсовую шкуру», поэма Руставели. Эту книгу в роскошных изданиях они покупают в Тифлисе и привозят к себе в горы.

Хевсура, не умеющего хотя бы подписать свою фамилию, встретить можно редко. Учатся писать они, царапая буквы ножом на шифере.

Впрочем, кооператив Барисахо после постройки был ограблен хевсурами. Они просто не поняли системы торговли.

Хевсуретия не торгует. Богатство здесь состоит из медной посуды, которую считают на пуды, скота и копченого мяса.

Мяса больше всего у хевисберов, у жрецов. В богатом доме запас может быть на два-три года. Но денег в Хевсуретии почти нет.

Но продолжаю рассказ о Барисахо.
Строится школа, возят на нее камень. На колесных арбах. Это единственное место в Хевсуре-

тии, где есть колеса. Арбы и колеса сюда пришли на вьюках.

Мы поднялись в Барисахо.

На краю площади стоял седой старик. Георгий познакомил меня с ним.

— Иод,— сказал старик по-русски.

Это был знаменитый хевсурский врач, Ликокели. Старик 97 лет, он сделал за свою жизнь более 400 зарегистрированных операций.

Хевсуры беспрерывно рубятся. Это у них обычай. Убийств в Хевсуретии почти не бывает.

Кровная месть — это не система убийства друг друга, а гарантия от убийства.

За убийство одного человека нужно платить такие штрафы, которые разоряют целый род. Если произошло убийство, то семья убийцы обыкновенно бежит из Хевсуретии, бросая все, оставляя даже кушанье на столе. И если кто со стороны возьмет это выморочное имущество, сожнет хлеб, возьмет тряпку, то он возьмет на себя и кровь. Если же люди решили откупиться от крови, то их постигает целая лавина штрафов. Прежде всего они не имеют права пить воду, поить скот, зажигать огонь, ездить на лошадях, носить вышитое платье, играть на музыкальных инструментах и ходить по дороге.

Первым выкупается право огня. Выкуп продолжается десятилетиями.

Член рода, который еще не выкупил свои права, встретившись с представителем рода обиженного, должен в знак подчинения бросить шапку на дорогу и уйти с дороги.

Он не имеет права на празднике пить без разрешения. Вообще жить он права не имеет. Причем дело

осложняется тем, что откупиться тоже нельзя. Если человек сразу бы заплатил цену крови — 50 коров, то прежде всего ни у кого 50 коров нет, а потом и обиженный не может взять цену крови потому,

что про него говорили бы, что он съел голову та-кого-то (убитого).

Итак, хевсуры предпочитают ранить друг друга, калечить, но не убивать.

Даже более того: нанести в поединке тяжелую рану считается признаком трусости.

Дороже всего раны в лицо. За раны в лицо, — а лицом считается место между бровями, нижней губой и бакенбардами, — за эти раны нужно платить, как за бесчестие. А именно отдать столько коров,

сколько ячменных зерен может уместиться в ране, не считая двух крайних зерен. Но за рану в голову, в руку, ногу нужно платить только листовое — за лечение, т. е. плату лекарю.

Хевсурская техника состоит в том, чтобы ранить человека в руку так, чтобы рука не была отрублена. За отрубленную руку тоже нужно будет заплатить. Поэтому руку не отрубают, а только калечат. А больше всего рубят в голову. Трепанация черепа здесь обычная операция.

Хевсурские хирурги лечат хорошо. Их приглашают в качестве ассистентов советские врачи, но они не умеют лечить переломов. Зато они имеют представление о таких сравнительно сложных вещах, как расположение двигательных центров на корке головного мозга.

Так, когда после ранения больной теряет речь, то врач вскрывает не только место ранения, но и то место, которое, очевидно, поражено, судя по характеру заболевания.

Врачу платят дорого. Техника врачевания состоит в том, что ране не дают преждевременно зажить, ее растрavляют травмами, чтобы заживление шло со дна раны.

У врача Ликокели есть сын Дедико. Сыну 27 лет. Значит отцу его в день рождения сына было 70 лет. Дедико лучший фехтовальщик в Хевсуретии.

Из европейской медицины хевсуры молитвенно уважают под и стерильные бинты.

Конечно, хевсурские врачи — самоучки. Поэтому

здесь ценится старость, а тем самым опытность врача.

Мы вежливо попрощались с Мгелико Ликокели, проехали дальше и в 5 верстах от Барисахо нам встретился веселый, нервно-возбужденный молодой человек.

На нем был шлем, за спиной карабин, с одного бока маузер, с другого бока цейс, у седла щит и в кармане самопишущее перо.

— Иоду,— сказал он, здороваясь с врачом.

Это был знаменитый фехтовальщик Дедико, что значит медведь. Сам он более похож на Дугласа Фербенкса, чем на медведя. Это один из популярнейших людей в Хевсуретии. Человек способный и не нашедший себе в Хевсуретии места.

Он только что удачно разрубил руку какому-то своему кровнику и сейчас скакал за материалом для перевязки. Перевязать своего врага — это высший шик и, кроме того, уменьшает плату за ранение.

Скучно в Хевсуретии.

Рубят друг друга, а зимою падает снег. И люди сидят по домам, а в доме стенки сухой кладки. Стены продувные. Стекол в Хевсуретии нет. Труб в Хевсуретии нет.

Есть в Хевсуретии только пиво и очень скверная, сивушная водка.

Зимой в Хевсуретии пьют. И чтоб скорее опьянеть, пьют водку пополам с пивом.

Пьют, фехтуют при свете зажженной бересты. Мрачно, сурово.

Клоп и вошь не могут выдержать хевсурской жизни. В Хевсуретии из паразитов выживают только блохи. Блохи там необыкновенные, кусачие, злые, и считается позором, если мужчина на них обращает внимание.

В СВАТИЛИЩЕ

Утром мы нашли дорогу, пробрались в какую-то маленькую деревню.

Здесь смотрели хати.

Хати хевсурская похожа на хати пшавскую.

Закоптелое, низкое, как наша деревенская баня, каменное здание. На грязных полках стоят серебряные кубки и среди них наши честные городские серебряные подстаканники. Здесь висит икона, но в общем это пивная.

Кругом посаженная роща. Хевсуретия совершенно обезлесена.

Деревья остались только около хати, и дрова есть только для пива. В роще пирамида камней, на ней лежат уже позеленелые олени рога. Над входом святилища прибиты турьи черепа, поодаль столб, на столбе колокол.

Колокольчики, с принесенного в жертву скота, вешают на этот же столб.

Есть в святилище еще знамя. Оно из ситцевых платков. И все тоже увешано колокольчиками.

Когда собирается народ в святилище, то хуцес, служитель святилища, бьет в колокол, трясет знамя, а рядом другой стоит с обнаженным мечом.

Звенят колокола, и люди тихо спят на траве, под деревьями, потому что праздник здесь значит — пьянство.

А ночь мы провели на крыше дома жреца. И мне казалось, что не то где-то близко бежит река, не то где-то рядом перематывают киноленту на моталках. Потом оказалось, что в самом доме стоят ульи.

Ульи летом не выносятся на двор в пасеку. Летки проделаны через стену.

Вот пчелы и жужжали ночью.

Рабочий молотил на крыше хлеб. Молотят здесь простой палкой.

На крыше молотят потому, что ровных мест в Хевсуретии нет. Рабочий увидел нас, посмотрел и что-то сказал, очевидно, про себя.

Это был муховец — батрак.

Дом был большой, низ дома темный. Живут женщины. Помещение это каменное. Верх плетеный и обмазанный глиной. Здесь зимой и летом живут мужчины.

Жена может проходить к мужу только тогда, когда этого никто не видит.

Женщина спит в кровати, похожей на длинную корзину. У мужчины деревянная кровать; в головах висит щит, меч, кольчуга, винтовка и лежит рядом с кроватью кусок хлеба. Мужчина всегда готов к походу.

В той же комнате стоят большие корзины, высотой более чем в рост человека. Я говорю, конечно, про очень богатый дом жреца.

В этих корзинах хранится урожай.

Одежда висит на палках под потолком.

Богослужения в этом святилище не было, но приняли нас пышно.

Хевисбер пел песни о царе Ираклии, который здесь чуть ли еще не царствует. Он пел, стоя на коленях перед Георгием. Потом налили пиво в маленький тазик, похожий на наши тазы для мытья рук. Хевисбер подошел ко мне, обхватил мою голову рукой, прижал ее очень крепко, и я убедился, что это не просто сильный, а прямо могучий человек.

Он запрокинул мне голову и начал вливать мне пиво из этого таза.

В тазу было бутылки две. Пиво лилось у меня из губ, так и полагалось по обряду. Это высокий хевсурский почет: хозяин не только угощает, но и поливает гостя. Ему ничего не жалко.

Я потом подробно осматривал хати уже другого района — Архоти.

Хати посвящаются, главным образом, ангелам Гавриилу, Михаилу. Одна из рощинских хати посвящена „матери дивов“.

Дивы — это дьяволы.

У хати свои поля, которые запахиваются обществом. Осенью варят пиво. В разных хати пиво разное.

Богослужение состоит из жертвоприношений. Читают молитвы. С отрывками из „Отче наш“. Потом втаскивают барана.

Баран итти не хочет; его поднимают за задние ноги и принуждают итти. Хуцес заламывает голову барану назад и режет горло в три приема.

Кровь из перерезанного горла льется фонтаном на жертвенный камень.

Над камнем дешевой фольговой рези стоит икона хати — образ Гавриила. Над иконой стоит серебряная чарка с пивом. По бокам иконы две пивные бутылки с самогонной ячменной водкой, а иногда два серебряных кувшина, тоже с водкой.

Кровью барана делают крест на лбу жертвователя. Если это ребенок, т. е. баран принесен за ребенка, то говорят, обнося ребенка вокруг хати: „Он будет твоим рабом, хати“.

Это крещение.

В хати сидят целый день не только мужчины, но мальчики лет пяти-шести. Тут же летают мухи, потому что кругом лежат брошенные кишки. Отрезанную голову барана бросают на жертвенник. Над жертвенником маленький крест.

За работу жрец, хуцес, получает баранью голову.

Быков режут очень редко при общественных жертвоприношениях. Тогда колокольчик с шеи быка вешают на жертвенник.

Во время праздников ездят со знаменами (знамя называется драша) по соседним селам. Знаменосец перед этим моется в семи источниках.

Моются хевсуры, снимая оружие и сапоги, но не снимая платья.

Платье на них домотканное, шерстяное.

Сын знакомого мне жреца порвал с отцом, ушел в Тифлис и учится в техникуме.

При мне в святилище селения Анга читали газету о китайских событиях. Читал местный учитель Тома Балиаури. И тот камень, на который лилась кровь несчастного барана, имел нацарапанную на нем надпись о том, что такого-то числа августа 1929 года жители такого-то района сговорились об ограничении кровной мести, которая теперь распространяется только на братьев убийцы, и что род ныне от ответственности крови освобождается, а прежние счета, которыми связаны все роды, кончены.

Это для Хевсуретии событие, вроде революции.

Одно из сел, подписавших этот каменный документ, пыталось не исполнить его, и теперь оно сидит изолированным, его не пускают на праздники, ему не отдают женщин в замужество, и, вероятно, селение скоро сдастся.

Хати кончается. Хати заменяется, вытесняется сапихно.

Сапихно — это хевсурский клуб, куда люди приходят со своей работой. В сапихно, например, есть специальный общественный камень, на котором выминают сыромятную кожу.

В сапихно прежде делали порох. Сапихно — не новая вещь для Хевсуретии. Это очень древнее установление.

Но сейчас в сапихно приходит газета.

ХЕВСУРСКАЯ ДОРОГА

Хевсурская дорога шириной в четыре пальца. Если поедете, то берегите ноги,— можно раздавить о камни, которыми завалена вся дорога.

Обыкновенно дорога идет вдоль реки.

Когда едешь к селению Рошка, то чувствуется приближение ледника. На дороге появляются огромные гранитные валуны. Долина ими завалена, как загромождены бывают лестницы учреждений столами, когда какой-нибудь отдел переезжает из одного этажа в другой.

Все холодеет.

Становится все суровее. Вот и сакли.

Сакли вбиты между огромными каменными глыбами, из которых каждая больше постамента памятника Петру I в Ленинграде.

Около дома, во дворе, у навозной кучи, маленькая лачуга, землянка со входом вниз. Это самревло — место, где женщины рожают. Здесь нет огня. Приближаться к этому месту нельзя. Зимой бывают случаи, что женщины здесь замерзают. Во время родов к женщине не подходит даже ее мать.

Если роды затягиваются, то муж может подкрасться на известное расстояние к самревло и выстрелить в воздух. Предполагается, что испуг помогает при родах.

Женщины носят на головах что-то вроде выпи-того кокошника и платок — мантилью.

Женщины крепкие, они не выглядят загнанными. У всех рыжие волосы. Волосы они обесцвечивают гнилой коровьей мочей. Утром, когда коровы еще не выгнаны из стойла, — а коровы в Хевсуретии ночуют во дворе (это сделано с целью сбережения навоза), — женщина с медным котлом обходит коров и тыльной стороной руки бьет их под хвост. А корова уже привыкла. Вызвано это тем, что мыла нет. И значит нужно его чем-то заменять.

Обычай этот тщательно скрывается.

Я увидел сбор мочи ранним утром случайно, а один грузинский товарищ узнал об этом обычае только на четвертом году пребывания в Хевсуретии.

У женщины есть некоторые права. Но, конечно, больше всего у нее работы. Например, женщина, а не мужчина, таскает с гор вниз дрова. Это огромные вязанки, тяжелые березовые поросли.

Если двое мужчин рубятся друг с другом, то женщина может прекратить схватку, бросив между ними мантилью. Если двое дерутся и женщина схватит одного из них, то схватка прекращается.

Но все это только декорация. На самом деле положение женщины в Хевсуретии, как, вероятно, и положение женщин в рыцарское время в Западной Европе, чрезвычайно тяжелое. Но в Хевсуретии есть несколько женщин, которые уже отказались от самрелло.

Раз ночью меня разбудили и вызвали на женское собрание. Это был дом врача.

Врач Балиаури только что кончил курс в Тифлисе. Дом имел уже некоторые культурные признаки. В

нем были даже стекла. В комнате стояла даже железная переносная печка. Но труба не была выведена из комнаты, а кончалась совершенно неожиданно под потолком.

В дыму, на полу, сидели женщины.

Среди них были две рабфаковки тоже из Тифлиса. Когда они стирали на реке белье мылом, то это было для Хевсуретии событием.

Говорила жена учителя. Она сказала:

— Я не пошу мантильи и не хожу в самревло —. И продолжала дальше решительным тоном. — Есть ли среди вас такая, которая сможет сказать, что я от этого хуже других.

Ей отвечала старуха:

— Нет, ты лучше других. И ты нам много помогла и много рассказала. Но горы суровы, и в горах нужно быть хитрым. Пускай в самревло будут вставлены стекла и сложена печь и пригласим туда акушерку и скажем себе, что это самревло, а не родильный дом, и мужчины согласятся.

На этом собрании говорили все. Спорили, шутили, требовали. Говорили о ткацком станке, о мыле и о кооперации.

День был торжественный потому, что в этот день в село был привезен сепаратор. При сепараторе забыли привезти книжку и потеряли какую-то часть от сепаратора, так что собрали его только через несколько недель. И для того, чтобы кончить эту главу, расскажу дальнейшую судьбу сепаратора.

Соседнее село, то, которое расположено за перевалом, а в Хевсуретии все за перевалом,— село Шатели, узнав, что у архотинцев есть сепаратор, заявило:

— Когда же Архоти было лучше нас?

И ночью они украли сепаратор.

Архотинцы погнались за сепаратором, стычка произошла на перевале. Распутали эту историю тем, что и в Шатели послали сепаратор.

Сепараторы резко меняют жизнь в Хевсуретии. Потому что сепаратор—это переход от сметанного к сливочному маслу, к маслу более товарному, дающему большие выходы.

Сепараторы кончают натуральное хозяйство в Хевсуретии. В Хевсурских горах растет замечательная трава.

Хевсурские коровы особые, мелкие, но очень молочной породы. За коровами ухаживают. Когда к маленькой хевсурской корове,—она не выше пояса не очень рослого человека,—подносят ведро для дойки, то кажется, что шутят. Но ведро наполняется.

Удой от 15 до 50 кружек в сутки.

На сельскохозяйственной выставке в Тифлисе в 1924 году корова-хевсурка, имея живой вес 128 кило, давала удоя молока 16 кило, 2 кило в сутки при процентном содержании жира 6 процентов. Скота здесь довольно много. У бедняка 3-4 коровы, у середняка 7-8, у кулака до 20.

Масло здесь основной продукт питания, причем масло очень жирное, но грязное.

В Хевсуретию начинает проникать мыло. Хевсурка руки моет только тогда, когда готовит масло для рынка.

Хевсуретию можно переделать только развитием в ней маслоделия.

В Хевсуретии не нужно даже строить, как в Сванетии, дорогие, широкие дороги. Сванетия вывозит лес, там дороги нужны.

Хевсурское масло может выдержать первое время перевозку на выюках.

СНОВА ДОРОГА

Дорога уходит из селения Рошка в луга. В горах сразу в нескольких местах звонят маленькие колокола хати.

Вот кончаются луга, начинаются черные хрустящие осыпи. За ними опять луга, но уже с другой сочной альпийской травой. Блестящие, шелковистые, дикие и самодовольные лежат в траве быки, их пасут здесь летом.

У быков понимающие глаза зверей.

Кругом все наполнено журчащей, бегущей вниз водой.

Снова осыпи. Дорога исчезает. Проводник сходит с лошади и тащит ее за узду, то вправо, то влево. Эти повороты уменьшают крутизну подъема.

Лошади тяжело дышат, начинается желтый снег. Туман, снова черный уходящий туман осыпи, снег.

Снег желтый и талый, как лимонное мороженое.

Я сорвался и полетел по снегу вниз.

— Не бойся,— закричал мне сверху проводник.

И я тогда испугался. Сел очень крепко в снег и удержался.

Вот черная выметенная ветром гора.

Ветер дует, дует.

Ветер дует с Черного моря на Каспийское. Здесь ветер переваливается через Кавказский хребет.

Лошади зябнут, у них на гривах иней.

Из тумана вылезла неожиданно какая-то черная колонка. Здесь были люди — это тригонометрический знак. Здесь когда-то прошли с нивелирами инженеры, через этот перевал должна была пройти, и, вероятно, пройдет, перевальная дорога.

Из желтого тумана сперва засерело, потом зачернело. Пролетела какая-то птица, кажется глухарь. В глазах рябит. Спускаешься уже. Снег кажется желтым, камни — лиловыми.

Мы заблудились. Стоим. Проводник ушел. Он сперва был серым, потом черным и провалился в туман.

Стояли долго, а нужно торопиться, ночевать в горах нехорошо. Вернулся проводник.

Снова пошли.

Начался легкий шум. Мы перевалили, вода теперь бежит вниз вместе с нами.

Вода бежит все громче, она сперва шепчет, потом начинает разговаривать, потом она шумит, как толпа, и кончает свой бег восклицаниями водопада.

Вода гремит. Показываются черные блестящие листья рододендронов, их лепестки желтовато на желтом лежат снегу.

Ущелье.

В ущелье бежит водопад. Он мечется между стенок ущелья, переворачивается через голову, упирается лбом и коленями то в одну, то в другую стену. Потом, наконец, срывается и летит вниз. в Пирикитскую Хевсуретию.

Теплеет, светлеет. Мы очень устали. С трудом сидим на лошади. А лошадь все идет, идет.

Показалась трава. Лошадь пытается схватить с края дороги траву, а по бокам все еще скалы. Теперь снова показались валуны, за поворотом опять кусок снега. Это остатки обвала,— он упал и застрял мостом над водою.

Вода гремит под снегом, как аплодисменты толпы в цирке.

Осторожно переходим этот снежный мост. Вдали башня, за башней селение Амга.

О СЕЛЕНИИ АМГА И О ТОМА БАЛИАУРИ

Много хевсуров выселилось в Кахетию.

Это не совсем правильно.

В Кахетии они не меняют своего быта и, попадая из скотоводческой в земледельческую страну, не богатеют, а беднеют.

Но в горах тесно, мрачно, скучно. В Хевсуретии нет ни одной лавки, нет даже бродячих разносчиков.

Вся культура Хевсуретии исчерпывается пока двумя-тремя избами-читальнями, устроенными обществом горцев Грузии.

Страшная разобщенность Хевсуретии, особенно в зимнюю пору, создает необходимость иметь здесь несколько культурных центров. Путь из Барисахо в Амга настолько труден, что больница в Амга необходима.

На берегу реки стоит башня.

Ветер в Хевсуретии, как дым в Лондоне. Он не проходит.

Горы стоят обветренные.

Башня, про которую я говорю, построена была ингушскими мастерами. Она мусульманского типа.

Ветер вдул ей бок внутрь, повернул камни.
Скоро она рухнет.

У подножья башни когда-то была деревня, сей-

час лежат развалины. Деревня выселилась в Кяхетию.

Я видел в горах этих переселенцев. Мужчина едет верхом, несложное хевсурское имущество сложено на осле. У седла лошади щит, на осле большое прозрачное колесо прятки.

Так идут люди в горы. За много километров в горах отчетливо видна маленькая черная фигурка всадника. Виден даже хвост его лошади.

Мужчина едет, женщина идет, в самых крутых местах подъема хватаясь за хвост осла.

Так уходит население из Хевсуретии.

Сперва переселенцы на большие праздники приезжают домой, обратно через перевалы.

Они едут группами. В хуржинах сидят молчаливые, покорные бараны, предназначенные для жертвоприношения. Бараны едут, высунувши головы, и смотрят на горы не заинтересованно.

Старик около башни был одинок. Он сказал мне:

— Прежде у меня была кошка, и я с ней говорил зимой, но кошка была одна. Теперь она умерла, и к весне у меня язык разучается говорить, застывает.

За башней есть село Амга, село большое, одно из самых культурных в Хевсуретии. Здесь есть школа и два дома со стеклами. Тут в костюмах чувствуется влияние и военного френча и мусульманской одежды. Здесь меньше мечей, больше кинжалов. Почему-то здесь еще осталась, кроме хати, и церковь.

Священник сидит целый день в хати, держит его, кажется, память другого священника, его предшественника.

Здесь живет Тома Балиаури, учитель. Это культурный хевсур, который, к сожалению, убил начальника милиции.

Вот что пишет об этом А. Я. Камараули, председатель культурного общества горцев Грузии:

„Нельзя обойти молчанием один из случаев, имевший место в Хевсурии, а именно: в Архоти служил начальником милиции некий Чиковани, совершенно незнакомый с нравами и обычаями хевсур. Он допускал большие несуразности, за что и поплатился своей жизнью. Оказалось, что он разрушал „сам-ревло“, запрещал женщинам ходить туда во время родов, отборной бранью поносил чтимые хевсурами „святителища“, „хати“ и пр. и такими поступками возбудил против себя все население.

Хевсуры слишком щепетильны в вопросах обычаев, религии и очень строги в вопросах о нравственности женщин. Чиковани же, в присутствии нескольких хевсур требовал от Балиаури понудить его племянницу согласиться на временное сожитительство с ним, Чиковани. На такое гнусное, оскорбляющее честь женщины предложение Балиаури ответил пощечиной. Тогда Чиковани выхватил револьвер и хотел застрелить Балиаури, но, получив от последнего удар кинжалом в бок, был убит.

Против хевсура Балиаури возбуждено было уголовное преследование и назначено специальное

следствие, которое подтвердило чинимые Чиковани безобразия; действия Балиаури были признаны вынужденными как самозащита, почему последнего оправдали“.

Хевсуры недоверчивы, и Балиаури, кажется, до сих пор не совсем верит в свое оправдание. Сделал он для своего села много. Научил многих грамоте и очень сократил кровную месть.

Брат его врач. Это первый врач-хевсур, т. е. первый хевсур с европейским образованием.

В Амга есть уже признаки культуры. Здесь несколько лет сажают капусту, здесь есть картофель. Но картофель здесь нельзя купить ни за какие деньги. Это слишком большая ценность.

Хевсуры страшно скучают из-за однообразия пищи. Они несколько столетий питаются маслом и ячменным хлебом.

Когда я сварил в селении Амга щи, причем в этих щах было больше изобретательности, чем вкуса,—в них была положена какая-то трава, похожая на тмин, то их люди ели с жадностью. Хевсурам скучно. Им надоело есть сыр и масло.

Баранов здесь мало. Коров, конечно, избегают резать, поэтому мяса не едят месяцами. Картофеля и капусты крохотные огороды. Картофеля нельзя купить так же, как почти невозможно купить кизяку для топлива.

Человеку, которому вы дадите деньги, на эти деньги ничего купить.

Ближайшая лавка находится в Казбеке за двумя перевалами.

Есть еще в селении Амга милиционер. Он носит гимнастерку и шаровары. Под гимнастерку он надевает длинную хевсурскую рубашку на выпуск.

Выглядит он очень странным. Это старый унтер, вышедший в отставку из царской армии, вероятно в 70-х годах. Хевсурское здоровье позволяет ему и сейчас ездить на лошади и иметь трехлетнюю дочь. Дочка все время с ним ходит, и это выглядит странно.

Немного пьяный, старик в смешанной форме, большой, грубый и ласковый.

Амга быстро изменяется. Я видел здесь кольчуги, уже никому ненужные. Они лежали на грудах кизяка, как хлам.

Это село скучает и изменяется больше, чем другие. Через год сюда должен начать ходить почтальон.

Иногда сюда приходит газета. В сапихно (в клубе) длинный список молодежи, желающей заниматься в школах.

Хевсуры просят о том, чтобы им изменили быт. Они говорили мне:

— Здесь летом проходит много людей. Они смотрят на горы и говорят: красиво. В последние годы здесь проезжало несколько писателей. Они просят, чтобы мы надевали кольчуги, и снимают нас. Потом они пишут о нас, мы доставали их книги, и нам очень больно, что эти люди пишут опять о том, что мы ходим в кольчугах и что горы красивы. Обещайте нам, что вы напишете иначе. Напишите, как

трудно здесь жить, о том, что зимой здесь обвалы, снег и что за спичками нужно ехать через перевал. Мы читаем газету и желаем жить так, как там написано. Пускай правительство или поможет нам жить, как живут другие люди, или переселит нас в Кахетию, или пускай сюда пришлют аэропланы и уничтожат нас бомбами, потому что нам надоело жить так, как мы живем.

Так просили меня в деревне Амга. Приблизительно то же самое говорили в селе Рошка. Эти села культурнее, чем местности вокруг Барисахо. Здесь сказываются соседство с более культурной Мухевией и сравнительная близость Военно-Грузинской дороги. Поэтому тот, кто хочет видеть самую первобытную Хевсуретию, должен смотреть ее около Орцкали и в районе Барисахо.

Но вещи интереснее там, где они изменяются.

ПОХОРОНЫ. ССОРА

Похороны — очень дорогое развлечение в Хевсуретии. Костюмы и доспехи хевсура остаются разложенными на тахте в течение года. В течение этого года мужчины дома не стригутся и не бреются. А платье носят наизнанку, так, чтобы не видно было вышивок. Не играют на бандурах.

Из вежливости родственники и друзья дома откладывают свадьбы и избегают всяких развлечений.

К концу года варится пиво не менее чем из 500 кило ячменя, выпекается 160-200 кило хлеба, и

в хлеб кладется не менее 50 кило коровьего масла. Вызываются наездники для скачек.

Скачки состоят в том, что состязающиеся должны побывать во всех деревнях, где есть друзья и родственники покойного. Скачут на неоседланных лошадях.

На лошади только две тесьмы: одна под грудь, другая под брюхо. За эти тесьмы разрешается держаться при подъеме и спуске. На них же пробуют, насколько устала лошадь, не надулись ли у нее бока.

Едут вскачь, падают через голову лошади, вскачь переезжают реки, скачут через хевсурские немислимые тропинки.

Первый прибывший назад получает приз: вещь или оружие покойника или тяжелый медный котел. Иногда даже корову. Следующий тоже получает подарок.

А там, пока скачут, люди сидят в кругу, и старые женщины, упираясь на посохи, плачут над положенными в кругу вещами. Они плачут длинно и ритмично и восхваляют покойного всеми хевсурскими похвалами.

Я был в Хевсуретии вместе с кинорежиссером и кинооператором.

Кинооператор заболел по дороге от немислимого хевсурского хлеба, от грязи. У него начался фурункулез. Он не мог сесть в седло и из Хевсуретии шел уже пешком, ложась в снег на подъемах. Имя его Бару.

Он сделал несколько ошибок. Прежде всего он начал уверять хевсуров, что они по происхождению евреи. Это их удивило, но не обидело. Обиделись они на другое.

Кинооператоры — самый невежливый народ в мире. Они убеждены, что мир сотворен, и, вероятно, в 6 дней, для того, чтобы оператор мог его снимать на седьмой.

То же думают и фотографы. Я помню, как на похоронах Есенина фотограф „Огонька“, залезший на черное голое дерево, кричал сдавленным голосом

— Гроб на аппарат, гроб на аппарат.

Бару сперва боялся Хевсуретии, потом он заметил, что папиросы примиряют хевисберов с киноаппаратом.

С нами была чувствительная пленка пан-кино, он и она с трудом берет кадр во внутренности святилища. Поэтому Бару начал вмешиваться в богослужение и кричать: „Кого мажешь, не выходи из кадра“.

Во время похорон ему непременно хотелось взять плачущих по возможности крупным планом. Он мешал похоронам, срывал все представление, а представление это стоило, вероятно, половины благосостояния семьи.

Кроме того, для досъемки плана разложенных доспехов он разложил их на чужой крыше. А это приносит смерть.

Мне нравятся кинооператоры. Нравится Новицкий, который из года в год едет на Север искать кадры, нравится Литвинов с его многолетними поисками кадров на Камчатке и на Командорских островах. Я уважаю Желябужского, который во время пожара ателье „Русь“ вбежал в горящее здание и вынес аппарат, опалив волосы, потом поставил аппарат перед пожаром, начал снимать, тут же проявил и вечером показывал в кино.

Юрий Андреевич Желябужский при большом взрыве снарядов на московском полигоне — вместе со своей женой (она несла за ним кассеты пленки) первый явился на полигон, поставил среди взрывов аппарат и начал снимать повторные взрывы.

А взрывались снаряды, и осколки летели во все стороны.

Бару был в своем праве.

Я помню, как оператор Козловский, уже старик с большой практикой, ругал молодого оператора, что тот не снял катастрофу во время съемки. Волк бросился на актера.

Этот самый Козловский на медвежьей охоте, когда медведь пошел не на аппарат, по глубокому снегу перебежал в сторону и кричал загонщикам:

— Гоните его на меня!

И был очень огорчен, когда медведя убили за деревом.

Хевсуры, т. е. не все хевсуры, а несколько молодых людей, решили разрубить Бару лицо, чтобы он помнил, что мир создан не для фотографии.

Я шел по берегу реки между селом Амга и Ахили. Ко мне подошли трое. На одном из них был надет вместо шапки желтый шелковый платок.

И все трое были пьяны.

Я шел вместе с учителем-переводчиком. Хевсуры сказали ему что-то по-грузински на хорошем языке XII века.

— Сядемте,— сказал Нико (имя учителя),— так будет лучше.

Юноши заявили ему, что они хотят разрубить мне лицо.

Мы сидели. Настроение у меня было не патетичное. Все трое говорили:

— Мы его только раним на память.

У меня не было никакого оружия. Постепенно разобрались, что я не Бару.

Но мы не хотели посылать этих троих на Бару, и с одним из них у меня оказались личные счеты.

С нами из села Рошка шел проводник Иване. Он поссорился с кем-то в деревне.

Враги бросились друг на друга с мечами.

Дело было совершенно не страшное. Тут должна была выбежать женщина и остановить врагов, кинув мантилью, потому что история была построена на фразе: — «Держите меня, я его убью».

Но вместо такого ритуального конца произошло другое. Прибежал я и, думая, что они дерутся на самом деле, начал их разгонять. Но тут выбежал один учитель Очаури-Алекси, человек здесь уважаемый, и выбежал не с мечом, а с большой хвостатиной, и разогнал нас всех троих. Мне ничего — я уезжал, но те двое были опозорены.

Итак, мы сидели.

На меня не напали, вероятно, сразу потому, что боялись Тома Балиаури. Это большого роста, очень красивый человек, не умеющий фехтовать, но яростный и уверяющий, что ярость совершенно заменяет искусство.

Учитель Нико Макалатиа тянул и выгадывал время, и тут подошло трое стариков — дело развязалось.

Старики, узнавши, в чем дело, положили на землю шапку, что означает в высшей степени просьбу, стали на колени и сказали:

— Прости, гость, что тебя оскорбили. Эти люди твои. Что ты хочешь, чтобы мы с ними сделали?

Я ничего не хотел. Старики продолжали:

— Мы виноваты в этом. Мы пойм всех, кто проходит мимо сапихно, и люди становятся, как безумные.

И разговор перешел на тему о необходимости реформ в Хевсуретии.

Здесь ежовый, каменный, бессменный быт, здесь покойника упрекают „и что ты за мужчина, если умер и не мог ты сделать иначе“.

Здесь больного выселяют из деревни в пещеру, изолируют от всех. Но если здесь не было бы водки или, вернее, если здесь были бы книга, кино, дорога, то это был бы хороший, крепкий народ.

Для Хевсуретии не сделано ничего.

В прошлом году на краю Хевсуретии в Джута снимали ленту „На волне в 600 метров“. Эта лента основана на рассказе о том, как изменился хевсурский быт от того, что в деревню привезли радиоприемник.

Радиоприемник привезли, поставили, сфотографировали и увезли обратно в Тифлис. Его доставка стоила больших денег. Его отправка назад тоже стоила денег. Это большое преступление и фальшивомонетчество.

Это сделали люди, не имеющие никакой ответственности перед временем, и нужно со стыдом сказать, что очень часто там, где проехала киноэкспедиция с киноаппаратом, — лучше не ехать.

Даже законы гостеприимства после этого нарушаются.

Примечание. Это не относится к людям, фамилии которых упомянуты в этой главе.

ОТЪЕЗД

Рошкинский перевал.

Нужно было уже уезжать, спускались с гор. Туманы. Начинались дожди.

Балиаури скучал, нервничал. Он бездомный человек, живет в доме тетки.

Тетка, вероятно, его прижимала.

Начинались ссоры между нами и домохозяевами. Мы платили за все, но жгли кизяк, а кизяк нельзя купить за деньги.

Что нужно сделать в Хевсуретии.

Хевсур один не может поехать продать масло, а если поедет, то или купит в Тифлисе серебряный пояс, или выпьет вина на Казбеке.

В Хевсуретии нужно поступить так, как поступают в Сванетии. Проинструктировать, обучить нескольких хевсуров, нужно создать учебно-показательного хевсура, который жил бы в доме со стеклами, зажигал бы лампу, носил бы белье и ложился бы спать на учебно-показательную кровать. И на всех этих вещах нужны цены в килограммах масла. И человек этот должен быть сильным, уважаемым для того, чтобы вся эта учебно-показательная выставка не обратилась в заманчивый военный приз.

Хевсурскую корову нужно беречь. Туда уже влилась кровь мухевских коров. Ухудшают молочную породу, чтобы увеличить ее живой вес.

Нужно создать в Хевсуретии молочное хозяйство. Кадры для этого есть.

Хевсурская корова находится в гораздо лучших условиях, чем хевсур.

Совершенно неправильно просто ввозить в эти горы мануфактуру и стекла. Если заменить хевсурское шерстяное белье хлопчатобумажным, то в стране может появиться вошь, которая не водится в шерсти хевсурской покраски.

И быт нужно ломать, изменяя систему производства. Пока хевсур умеет работать на себя, немножко пахать, довольно много косить.

Сено спускают с гор так. На трехугольных плетенках складываются высокие узкие стога. Плетенки связываются между собою, как поезд. Зимой, когда ляжет снег, двое становятся: один в голове этого поезда, другой в хвосте. Они берут концы веревок в руки и начинают скатывать его в долину. На этой работе погибают многие. Потому что откосы круты, и поезд этот может внезапно разбежаться, а бросить конец веревки нельзя, стога рассыпятся, и скот зимой погибнет без корма.

Но нанять хевсура на работу трудно.

Нам нужны были лошади для отъезда. Начался торг. Спрашивают 10 рублей за лошадь в сутки. Дорого, мы отказываемся. Все обижаются. Наконец мы наняли каких-то лошадей.

А те, которые не дали нам лошадей, поехали вместе с нами для того, чтобы доказать, что они спрашивали дорого не из жадности, а из принципа.

И вместе со всеми пешком пошел какой-то старик. И за ним внук его лет 12.

Внук нес дедовскую винтовку.

Мы пошли. Трудно идти в горах. Спокойно идут хевсуры, заложив руки за спину, идут без скорости и без спешки.

Я надел хевсурские башмаки с плетеными подошвами. На плетенку кладут сено, и нога в такой обуви совершенно не скользит по камню.

Опять осыпи и ослепляющие желтые снега.

Если снимать здесь, то ноги лошадей и людей как-будто потонут в белом ореоле снега.

Джутский перевал, по-моему, легче, чем Рошкинский. Не так круто и есть подобие дороги.

Около Джута проводники наши остановились.

Я не понимал, в чем дело. Из Джута показались идущие навстречу люди. Один из них был глубокий старик. Все сели около камня.

Председательствовал Тома.

Это был суд рджули, единственное, в сущности, организованное учреждение в общественной жизни Хевсуретии. В рджули рядом со стариками могут сидеть молодые люди. В рджули присутствуют, кроме истца и ответчика, члены семьи сторон. А иногда и местный врач (Акими) в качестве эксперта.

Решение рджули окончательно и безапелляционно. Иногда удается путем разбирательства в рджули

кончать ссоры и кровавую месть, продолжающуюся более ста лет.

Сейчас разбирался следующий случай. Поссорились между собой несколько хевсур во Владикавказе. Во время ссоры у одного пропала шапка. Это такой же позор, как если бы у него сняли штаны.

Враги человека, потерявшего шапку, распространили весть о его позоре по деревням.

Деревня пострадавшего тогда запретила проход через свое ущелье врагам его. И те оказались запертыми в горах.

Спор из-за шапки продолжался уже несколько лет.

Сейчас его разбирали с полным сознанием важности, с полным знанием законов. Тут было важно, что может быть шапку и не отняли, а она была просто потеряна.

Дело было решено тем, что обиженный получил за шапку какой-то выкуп, что-то больше цены одной коровы.

И дорога через деревню была опять открыта.

Деревня Джута не отделена перевалом от долины, ведущей к Дарьяльскому ущелью. Здесь идет широкая дорога, годная для арбы.

Мы очень устали, потому что несли на себе аппараты, и закричали при виде дороги: „Дорога“, как моряк кричит — „земля“.

Но за Джута дорога эта внезапно прерывается всего на 1-2 километра. Она еще не доведена до села.

Хевсуретия, в противоположность Сванетии, административно ничем не объединена, и никто о ней специально не заботится. И в легко доступной деревне Джута из предметов культуры введен только почтовый ящик.

Нет, я видел еще в одном доме автомобильную покрывку.

Эти покрывки режут здесь на тонкие полосы и плетут потом лапти, которые очень пригодны для горных путешествий.

МУХЕВИЯ

За Джута идет ущелье. Нельзя представить себе более резкого перехода, чем переход от страны хевсуров к стране мухевцев.

Мухевцы — культурное племя. Одно из самых культурных племен на Кавказе.

Когда въезжаешь в мухевскую деревню, то после Хевсуретии поражает количество вещей.

Дома со стеклами и на дверях медные ручки. В одном селе несколько лавок. Очень много двухэтажных домов с большими верандами. По типу домов деревня похожа, как мне показалось, на южную Германию. Постройки полугородского типа.

И все это создано на доходы с овцеводства.

Овец много. Их видят в горах, далеко-далеко они идут своими длинными тропами. Эти тропы проходят по горам почти неуловимыми линиями, похожими на стертые линии изотерм на географических картах.

В 1929 году в кавказских реках вода была очень высока. Арба все время переправлялась через разлившийся приток Терека. В скалах копошились люди.

Они поспешно выковыривали плиты камня из выветрившейся породы. Деревни стояли краем в воде. Вода подходила к порогам домов. Население спешно

выкладывало каменные заборы, чтобы остановить воду. Вода шумела, журчала и все подымалась.

Мы торопились, стемнело.

Ночная вода шумела в колесах арб. Луна не восходила. Арбу качало, трясло. Вдали показались невысокие огни нижних деревень.

Глубокой ночью мы попали в городок Сно. Город был весь залит водой. Все улицы стояли речками. Везде виднелись новые валы, которыми пытались отгородить поля от разлива. Сено и большие вейники, которыми кормят здесь скот во время бескормицы, лежали на крышах домов.

Нам, несмотря на ночь, предложил свою квартиру старый учитель. В его доме было тревожно, потому что вода все еще подымалась.

Только здесь, на этом чистом полу, рядом с большими покрытыми чистыми простынями кроватями, мы увидели, какие мы грязные, ободранные после Хевсуретии.

Нужно было ложиться спать.

Старик-хозяин предложил нам свою кровать, мы отказывались.

В результате все легли на полу, и кровать осталась пустой. В середине ночи на нее забрался Бару.

Бару был счастлив. В Хевсуретии мы не разбили аппарат.

Утром, когда я проснулся, то увидел старика-хозяина рядом с собой. Оказывается, я сильно кричал ночью, и он не спал, чтобы меня успокаивать. А я кричу уже много лет, и мне это не мешает.

Утром Сно выглядело совсем странным. Вода еще поднялась. Заборы разгораживали воду причудливыми узорами.

На скале косо надетой короной стояла круглая старая крепость. Там, за городом, повернутым на

Бок вместе с быками поперек реки лежал новый бетонный мост.

Река поднялась так, что уже не шумела. Мы ехали на арбах по битой дороге, качало, трепало, и вдруг колеса пошли по ровному.

Мы попали на Военно-Грузинскую дорогу.

Только тот, кто выбирается на эту дорогу не с поезда, а с гор, только тот понимает, какое чудо эта дорога. Как изменила она Кавказ и как нуждается она в том, чтобы в нее из ущелий влились бы другие, пускай более узкие, пускай более крутые, но налаженные дороги.

Совсем не качает. Груз везут полными возами. Вдали знакомая станция Казбек.

По дороге в трусиках идут экскурсанты.

Не забудьте, в Хевсуретию в трусиках вход воспрещается.

По дороге едут автомобили. Значит, сейчас не XII век. Все изменилось кругом. Только женщины тоже стриженные, как в Хевсуретии, и много женщин с окрашенными волосами.

На станции Казбек — обед с тарелками.

И вдали, как белый пересиненный сахар, вершина горы.

На вершине глубокая, резко образуемая тень от тучи.

Здесь с нами попрощался наш последний проводник хевсур. Мы хотели подарить ему деньги, он отказался и сказал:

— Я председатель сельсовета деревни Альхиель и пошел с вами потому, что другие не хотели, а вам одним было бы трудно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

„Я хотел бы жить и умереть в Париже, если-б не было другой страны — Москва“.

Это цитата из Маяковского. Теперь прочтите эти строки, как стихи.

Я не хотел бы жить в Хевсуретии. Но я хотел бы приехать в Хевсуретию не с киноаппаратом, а с сепараторами, с маслобойками, хотел бы увидеть дорогу на Джута продолженной через Джутский перевал.

Хотел бы увидеть хевсуров не фехтующими.

Хевсуретия сейчас очень хочет перемениться.

Эти кольчуги, знамена, и кресты, нашитые на костюмах хевсуров, эти кресты, о которых я забыл упомянуть потому, что они совершенно не важны, все это прошлое.

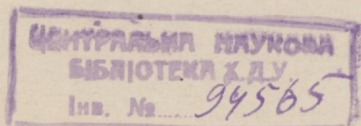
Людей в горах не нужно уговаривать, чтобы они переменили свою жизнь. Но тот, кто сумеет в Хевсуретии организовать это небольшое племя вокруг коровы, тот получит масло. А Хевсуретия получит культуру. А костюмы уйдут в музей.

Старых вещей в Хевсуретии уже немного. В Тифлисе, в музее, вероятно, больше хевсурских вещей. Частые налеты ингушей еще больше очистили Хевсуретию от старины.

Сейчас у хевсуров с Ингушетией мир.

И многие пастбища, которые прежде были недоступны, снова вошли в оборот страны.

Сейчас в Хевсуретии строят школы, больницы. Но нужно очень внимательно найти людей для этих больниц, чтобы больницы не остались пустыми каменными стенами.

СОДЕРЖАНИЕ

Хевсуретия	3
Дорога в Хевсуретию — Пшавия	4
Батана Георгий	18
У подъезда Хевсуретии	21
Барисахо	25
В святилище	31
Хевсурская дорога	38
Снова дорога	44
О селении Амга и о Тома Балиаури	46
Похороны. Ссора.	54
Отъезд	62
Мухевия.	66
Заключение	70

58991

